

Игорь Русланович Прохоров

Национальный архив Республики Казахстан, г. Астана, Казахстан, prohorov1974@mail.ru

ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ МЛАДШИМ ЖУЗОМ ОРЕНБУРГСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Оренбургской администрации по управлению Младшим жузом, дается оценка методам управления, способам решения межнациональных, военных и экономических проблем региона. В работе использованы ретроспективный, проблемно-хронологический, историко-сравнительный, а также общенаучные методы исследования.

Ключевые слова: Младший жуз; Ширгазы; Оренбург; Хива; Российская империя.

Igor R. Prokhorov

Research Fellow National Archives of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, prohorov1974@mail.ru

EXPERIENCE OF MANAGING THE JUNIOR HORDE BY THE ORENBURG ADMINISTRATION IN THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY

Abstract. The article examines the activities of the Orenburg Administration for the management of the Junior College, gives an assessment of management methods, ways to solve interethnic, military and economic problems of the region. The paper uses retrospective, problem-chronological, historical-comparative, as well as general scientific research methods.

Keywords: Junior zhuz; Shirgazy; Orenburg; Khiva; Russian Empire.

К началу XIX в. казахи только формально являлись российскими поданными. Власть в Младшем жузе делили несколько родоплеменных группировок во главе с представителями наследственной кочевой аристократии – султанами и ханами из чингизидов. Первостепенными задачами российской власти в Младшем жузе (Малой орде) в начале XIX в. были прекращение межродовых распрей, установление мирной обстановки, обеспечение законности, укрепление власти утвержденного императором России хана. Большими проблемами оставались нападения казахов на Оренбургскую пограничную линию, столкновения между казахами и пограничными жителями. Для укрепления ханской власти правительство разрешило казахам самим выбрать себе правителя с последующим утверждением его в этой должности императором. Непосредственное управление Малой ордой осуществляла Оренбургская администрация, представленная Оренбургской пограничной комиссией и Оренбургским военным губернатором.

В дореволюционной российской историографии утвердилось мнение, что причиной ошибок и неудач России в деле управления Младшим жузом являлись слабые и зависимые от России ханы. К примеру, об этом писал российский военный, историк и администратор М. Терентьев [1, с. 91]. Исследователь И. Крафт считал, что назначение ханов российскими властями из потомков Абул-

хаира – первого хана, присягнувшего на верность России, – было ошибкой; правильно было бы опираться на народное собрание [2, с. 50]. Историк, крупный администратор Туркестана и военный А. Гейнс также считал ошибкой опору на чингизидов: ханов и султанов. Он предлагал опираться на выборных народных представителей [3, с. 111]. И. Бларамберг указывал на зависимость Младшего жуза от Хивы, в связи с чем казахи не могли подчиняться российской власти [4, с. 97].

В советское время казахстанский историк Е. Бекмаханов называл причиной проблем захваты казахских земель и колонизаторскую политику царизма [5, с. 31]. Современная казахстанская историография концентрируется на отрицательных сторонах колонизации, вхождения казахских земель в состав России [6, с. 108–109]. Как считают современные казахстанские историки, политика России в первой половине XIX в. привела к национально-освободительному движению против колониализма [7, с. 126].

Российские исследователи, напротив, полагают, что в процессе колонизации приграничных территорий местная российская администрация старалась проводить гибкую этническую политику [8, с. 104]. По мнению российских историков Л. М. Дамешека и А. В. Ремнёва, российские власти старались действовать в интересах местных народов [9, с. 5]. Как отмечает томский исследователь В. П. Зиновьев, русская модель отношений с мест-

ными азиатскими народами означала их «замирение» и включение в даннические отношения [10, с. 16]. В целом, российские историки считают, что интересы местного населения российской администрацией учитывались [11].

На наш взгляд, политика России в Младшем жузе в первой четверти XIX в. – от попыток укрепления ханской власти до ее отмены – нуждается в дополнительном изучении. Целью статьи является выявление основных ее методов.

В основу исследования положены архивные документы из фонда Ф. 6 «Канцелярия оренбургского генерал-губернатора (1771–1881)» Объединенного государственного архива Оренбургской области» (ОГАОО), свидетельства современников событий, исследования военных и ученых.

Научная новизна определяется введением в научный оборот ранее не использованных архивных материалов. Среди них «Дело о взаимоотношениях султана Меньшей Орды Каратая Нуралиева с администрацией Оренбурга» [12], «Дело о возведении султана Меньшей орды Абылгазы Абдулгазиева в ханское достоинство» [13], «Дело о взаимоотношениях между султанами Младшей и Средней Орд» [14].

В 1805 г. по инициативе российской власти прошли выборы казахской родовой знатью Младшего жуза хана Жанторе – сына престарелого хана Айчувака, отказавшегося от власти. В этом звании новый хан был утвержден императором России. Однако результаты выборов вызвали недовольство влиятельных султанов, в том числе Каратая Нуралиева, сына хана Нуралы. Они называли выборы нечестными.

Сам же хан Жанторе Айчуваков оказался настолько не уверен в своей власти и авторитете, что неоднократно просил Оренбургскую пограничную администрацию отправить к нему на подкрепление крупные воинские контингенты [15, л. 2].

При этом население Младшего жуза жестоко страдало от непрекращающихся межродовых столкновений, взаимной баранты (насильственный отгон скота ответчика, предусмотренный обычным правом), в том числе между самими казахами, а также между ними и уральскими казачками, башкирами [16, с. 91]. К этому времени баранта из инструмента обычного права превратилась в серию взаимных грабежей, разорений и убийств [17, с. 297].

Современные казахстанские исследователи отмечают в этой связи признаки долговременного кризиса кочевого общества [18, с. 107].

Оренбургская администрация попыталась также наладить судебные механизмы, регулировавшие отношения казахов и приграничных жителей. Так, выяснилось, что созданный в 1784 г. в Оренбурге пограничный суд оказался нежизнеспособным [19, с. 15].

В результате правительство, отменив расправы, то есть низшие судебные органы, и пограничный суд, сделало новую попытку внедрить в Малой орде правосудие, усилив власть хана и предоставив ему и состоящему при нем ханскому совету судебные полномочия.

Так, 31 мая 1806 г. императором Александром I были утверждены правила и штат ханского совета в Малой орде. Согласно решению императора, предписывалось избрать в каждом роде и отделении главных и частных правителей, которые предоставляли бы дела ханскому совету, а в затруднительных случаях хан должен был обращаться к оренбургскому пограничному начальству [19, с. 18].

По мнению исследователя А. Добросмыслова, проблемы управления Младшим жузом заключались в слабом знании российскими чиновниками механизмов ханской власти в казахском обществе. Так, российская власть признавала самостоятельными правителями только ханов Малой и Средней орд, ею же утвержденных в этих званиях. На самом же деле правителей было много и притом большинство из них носило ханский титул. Так, племя аргын считало ханом Жуму Худаймендыева; кипшак – Жанторе Жихангерова, внука Каипа, хивинского хана; жаппас – Мати из рода хана Абулхаира. Байулы считали ханом султана Каратая Нуралиева. Однако большинство этих ханов находились в зависимости от народных или, вернее, родовых начальников и авторитетных в степи лиц. Так, например, Жума был орудием Мусы Даутова, Жанторе Жихангерова – Маметека Жаугашарова, Мати – Алтабая Кубекова. Эти наставники ханов носили звание аталыков (советник, наставник) [20, с. 268].

Современный казахстанский исследователь Ж. Артыкбаев отмечает, что должность «аталык» считалась главной при ханском дворе. Аталыки были советниками ханов, их посланниками, воспитателями наследников [21, с. 19].

Кроме аталыков выбирались в помощь хану от народа четыре советника из богатых и влиятельных семей, носивших звание накيبов. Без участия этих лиц хан не мог приступать к решению дел. Споры и вообще почти все судебные дела редко разбирались ханами, так как суд, по народным

обычаям, подлежал ведению биев. К обязанностям же ханов почти исключительно относились дела, касающиеся отношений с соседями, в том числе и с российскими пограничными властями [20, с. 269].

Исследователь Ж. Артыкбаев также отмечает, что казахи по давней традиции всех султанов, имеющих свои улусы, величали ханами. Улусных султанов называют иногда «киши хан», иногда «келте хан», то есть «младший», «короткий хан». Главный хан казахов получал реальную власть лишь на время крупных военных походов [21, с. 113–115].

Характерно в этой связи высказывание М. Терентьева о том, что более 100 лет Россия пыталась, и вполне бесплодно, удерживать в повиновении казахов при посредстве их ханов, насильно подчиняя этим ханам даже те родовые подразделения, которые предпочитали управляться wybranными ими самими правителями, выдвинувшимися из народа, благодаря только личным достоинствам, а не по наследству [1, с. 70].

До какой степени в то время плохо обстояло с правосудием в Малой орде, видно из того факта, что 21 февраля 1822 г. Комитет министров России объявил все долговые обязательства, совершенные между казахами Малой орды и русскими пограничными жителями, недействительными [19, с. 20].

В 1809 г. хан Жанторе, так и не добившись улучшения дел в Малой Орде, был убит своим двоюродным братом, султаном Каратаем Нуралиевым [22, ч. 2, л. 1, 1 об.].

Выборы нового хана, проведенные по указу императора Александра I главами родовых подразделений и султанами, состоялись осенью 1811 г., но результаты их оказались неоднозначными. Оренбургский военный губернатор Григорий Волконский написал императору, что сделал все возможное, чтобы казахи пришли к соглашению и выбрали из своей среды одного авторитетного султана, но соединить враждебные голоса не смог [22, ч. 1, л. 278 – 278 об.].

В результате казахами были избраны два хана: Ширгазы Айчуваков (брат Жанторе) и Букей Нуралиев (брат Каратая). Таким образом, выборы показали отсутствие единого лидера среди казахской знати Младшего жуза.

Волконский в письме императору дал краткие характеристики новых правителей. Султан Букей – благоразумен, опытен и предан российскому престолу. Избравшие его султаны – по большей части его родственники – поддерживают его как внутри астраханских степей, на правом

берегу реки Урал, так и за Уралом (на левой стороне реки). Ширгазы – человек кроткого нрава, с хорошим здравым рассудком; может управлять избравшими его ордынцами, но не всей Малой ордой [22, ч. 1, л. 281 об. – 282].

Претенденты на власть обладали определенным политическим авторитетом, поскольку за них голосовала часть родоприврателей и султанов, но ни один из них не смог распространить свою власть на весь Младший жуз.

Почти одновременно с назначением ханом Ширгазы появляются еще два претендента на ханскую власть: подданные России султаны Каратай – на западе и Арынгазы – на юго-востоке.

Добросмыслов указывает, что в начале августа 1813 г. султан Каратай возвратился из хивинских пределов на реку Уил, угрожая российским пограничным селениям и казахам, не признававшим его власть. С 1813 г. по 1816 г. приверженцы Каратая нападали на российскую пограничную линию [20, с. 259].

Хан Ширгазы, в свою очередь, жаловался Оренбургскому военному губернатору на притязания на ханскую власть со стороны султана Арынгазы. Летом 1816 г. Волконский, по настоянию Ширгазы, высылал на реку Бердянку команду в 600 человек для защиты хана от этого султана. Арынгазы был признан Хивой ханом над казахами, кочевавшими в окрестностях реки Сырдарья. В то же время он предложил российскому пограничному начальству услуги сопровождать российские караваны в Бухару и обратно. Этот пример подействовал на султана Каратая, который взялся проводить российские караваны в Хиву [20, с. 260].

Однако он не прекратил добиваться от Оренбургской пограничной администрации вручения ему ханской власти. В апреле 1817 г. Григория Волконского на посту Оренбургского военного губернатора сменил Пётр Эссен.

О том, что Каратай, добиваясь ханской власти, служил при этом целям пограничной администрации, свидетельствует его переписка с Оренбургским военным губернатором. В письме от 31 марта 1818 г. султан, к примеру, сообщает, что арестованные Оренбургской пограничной комиссией казахи тлеу-кабакского рода Араслан Тыкешиев и Артыкбай Дустанов с товарищами отгоняли скот, грабили караваны, казахов и приграничных русских жителей. Когда их взяли в плен, то поставили условием отпуска на свободу возврат награбленного. При этом Каратай указывает, что род тлеу-кабак не находится под его

управлением, от пограничной линии находится в дальних степных местах под заведованием султана Арынгазы Абулгазиева [23, л. 1 – 1 об.]. В этом же письме Каратай просит прислать ему военный отряд, с помощью которого он наведет порядок в степи: «по присяжной своей должности, ни щадя живота своего, до последней капли крови прилагая старание» [23, л. 2.]. В этом требовании ему было отказано [23, л. 9].

Каратаю, так же как и другим претендентам на ханскую власть, не хватало собственных сил, чтобы привести Малую орду к миру. Укрепить свое влияние они пытались при помощи российских войск.

В одном из писем Каратаю Эссен упоминал о заявленном этим султаном желании избраться в ханы Малой орды. Губернатор по этому поводу отмечал, что приобрести ханское достоинство Каратай сможет только тогда, когда добьется прекращения распрей не только между подвластными ему родовыми подразделениями и приграничными жителями, но и между самими казаками Малой орды. Только этим единственным способом Каратай сможет доказать, что имеет право на ханское достоинство [12, л. 24 – 24 об.].

В последующих обращениях Каратай настаивал на наказании виновных казаков, оклеветавших его сыновей Тлеугали и Сагали, безвинно отправивших под караул подвластных ему старшин, и просил об этом выдать решение. В мае 1818 г. султан вновь спрашивал Эссена о ходе расследования и просил дать ему постановление о его результатах [12, л. 48–48 об.]. Эссен отвечал, что войсковому атаману Уральского казачьего войска сделано твердое подтверждение, чтобы впредь посылаемых Каратаем родственников и детей принимать на пограничной линии беспрепятственно с надлежащим уважением. Поэтому им уже не встретится никаких неприятностей [12, л. 52 об.].

Однако Каратая такой ответ не удовлетворил. В апреле 1819 г. он вновь написал Эссену, что виновные в задержании его сыновей по надлежащему порядку наказаны не были. Также он пожаловался, что подвластным ему казакам не разрешили зимовать в Рын-песках на внутренней стороне реки Урал. Посему султан заключил: «Долгом я себе поставил удалиться в дальние степные места, будучи под начальством другого владения, где я буду иметь проживание с подведомственными мне киргизцами...» [12, л. 57].

Эссен 24 мая 1819 г. ответил, что Каратаю неприлично сомневаться в том, о чем объявляет главный начальник пограничного края. После по-

лучения по ходатайству Эссена прощения за незаконные поступки Каратая (убийство хана Жанторе, нападения на пограничную линию), которыми он навлек на себя гнев императора, султан не имеет причин ожидать неприятностей со стороны России. В Рын-песках нет места для кочевков, жившие там казахи сами просили переселить их на другой берег Урала [12, л. 60 об.].

Что касается угроз Каратая уйти из российских пределов, то губернатор заявил: «Объявлением, что Вы намерены предаться другому владению, явно обличаете Вы себя в измене, за которую Вы, конечно, будете иметь неприятности по собственной Вашей воле» [12, л. 61]. Далее Эссен заявил, что более не нуждается в общении с Каратаем [12, л. 61 об.].

Однако 25 декабря 1819 г. губернатор получил «Нижайшее донесение» Каратая о том, что последний письма об уходе из России и передаче себя под власть другого государства не писал. Ошибка в письме произошла якобы по вине бывшего его письмоводителя муллы Ахмета Хасанова. На самом же деле Каратай намерен всегда кочевать при линии и повиноваться предписаниям пограничного начальства [12, л. 62 об.].

В свою очередь, султан Арынгазы в мае 1818 г. прислал в Оренбургскую пограничную комиссию донесение о принятых им мерах по пресечению грабежей подвластных ему казахов [23, л. 4].

Так, обвиненные в грабежах уже упомянутые нами батыры Араслан Тыкешиев и Артыкбай Дустанов находились уже в Аманатном доме (то есть в заложниках). Арынгазы сообщил, что убеждает их родственников вернуть награбленное [23, л. 5 – 5 об.].

Оренбургская пограничная комиссия дала султану Арынгазы указание, чтобы он постарался взыскать из имущества содержащихся в Аманатном доме Араслана и Артыкбая, а также с родственников и с соучастников платежа в удовлетворение потерпевших от них разорение прилинейных русских жителей и казахов Малой орды. Сам же Арынгазы хлопотал об освобождении уже приговоренных к ссылке в Сибирь этих батыров при условии, что за них заплатят родственники [23, л. 7 об.]. Пограничная комиссия такое предложение поддержала. Она полагала, что при прощении этих батыров в Младшем жузе наступит мир.

Неоднократные прощения виновных, долгие переговоры с ними, убеждения и увещевания, периодические амнистии были одним из важных методов российской администрации по установ-

лению в Малой орде мирной жизни, разрешению конфликтов и противоречий.

Поэтому комиссия по традиции предложила Эссену испросить повеление императора, которым бы все претензии к казахам Младшего жуза, с давних лет возникшие и до сих пор [1818 г.] неразрешенные, предать вечному забвению. Такие же претензии по представлению императору предшествующего губернатора Волконского были уничтожены именным высочайшим указом 19 августа 1804 г. Комиссия посчитала, что в таком случае ордынцы, избавившись от тяжелого взыскания, будут удерживать от всяких вредных поползновений своих соотечественников, а также отвращать грабежи русских купеческих караванов, следовавших через казахские степи в Центральную Азию [23, л. 16].

Ответственность за удержание казахов в мире, а также за выдачу российских пленников Оренбургская пограничная комиссия предложила возложить на хана Ширгазы Айчувакова, султанов Арынгазы Абулгазыева и Каратая Нуралиева как сильнейших во всей Малой орде правителей. Таким образом, подкрепить власть хана оренбургская администрация пыталась при помощи сильнейших султанов. Когда выяснилось, что ходатайствующие об освобождении Араслана и Артыкбая родственники обязались внести за них 15 тыс. рублей, то пограничная комиссия решила, приняв эти деньги, раздать их пострадавшим от грабежей казахам и русским, а батыров в ссылку не отправлять [23, л. 16 об.].

Однако объединить усилия хана и султанов не удалось – Ширгазы продолжал жаловаться на Арынгазы, уличая его в намерении захватить власть. И такие доводы хана имеют документальное подтверждение.

Так, 1 августа 1819 г. частью султанов, старшин, биев, батыров Младшего и Среднего жузов было подано прошение Оренбургскому военному губернатору Петру Эссену, в котором они, ссылаясь на свое прошение от 5 августа 1817 г., просили ходатайствовать перед императором Александром I о возведении Арынгазы в ханское достоинство. Эссен ответил подписантам, что передал императору их просьбу [13, л. 1].

В прошении говорилось, что Арынгазы, располагая ханской властью, сможет по всей Меньшей орде и по части Средней орды прекратить междоусобные баранты и разные распри. Правосудие он будет осуществлять на основании степных законов, подвергая преступников строгому осуж-

дению. Этим новый хан установит в Малой орде спокойствие и тишину, распространит при Оренбурге торговлю, откроет русским караванам свободный путь в Центральную Азию [13, л. 1 об.]. Вероятно, эти прошения инициировались Эссеном, что явно не добавляло авторитета действующему хану.

По этому поводу исследователь Добросмыслов пишет, что султан Арынгазы настолько понравился Эссену, что тот назначил его председателем ханского совета и стал сноситься с ним по всем делам, оказывая полное пренебрежение законному хану [20, с. 262].

Однако Ширгазы нашел способ обратиться за поддержкой непосредственно к императору Александру I. Хан пожаловался царю, что Оренбургский военный губернатор не уважает его просьбы и представлений как частных, равно и по службе, отдает преимущество против него султану Арынгазы. Он также уличил султана Арынгазы в ограблении бухарского каравана из 40 верблюдов. В доказательство предательства султана Арынгазы, его связей с Хивой хан привел в пример злоклучения русского посланника Якова Гавердовского, отправленного ранее в Бухару. Его посольский караван был разграблен на территории Младшего жуза в 1803 г., а сам посланник принужден был спастись бегством. Ширгазы утверждал, что нападение организовал Арынгазы [24, л. 1].

Хан также утверждал, что Эссен поддерживал стремление Арынгазы быть ханом и угрожал удалить Ширгазы с этой должности. Это ослабило число его сторонников и увеличило число приверженцев Арынгазы [24, л. 2].

«Захватывают [подвластных хану казахов – автор] без закона по одним лишь подозрениям и без расследования отдают в солдаты или ссылают. По ложным и несправедливым делам кочевья подчиненного мне народа стеснены, народ приходит в бедное положение, продает своих детей, собирается удалиться в Бухарию и Хиву», – сообщал Ширгазы императору [7; 24, л. 3]. Хан просил Александра I разрешить казахам кочевать по Новоилецкой линии, представляя, что и прежде казахские кочевья были здесь и спокойствие не нарушалось [24, л. 2]. Более того, в 1820 г. хану удалось добиться аудиенции у императора в Петербурге и заручиться его поддержкой. Оренбургскому военному губернатору пришлось срочно менять свою позицию.

В июне 1820 г. Пётр Эссен сообщил в Оренбургскую пограничную комиссию, что хан Ширгазы возвратился из Петербурга и отправляется в Орду.

Губернатор дал указание пограничной комиссии отныне и навсегда избегать непосредственных отношений с султанами, родоначальниками и другими старшинами и вообще с кем-либо из казахов Меньшей орды, минуя хана. Назначения в старшины и всякого рода отличия и награды также должны были делаться только по ходатайству хана. Кроме того, губернатор запретил пограничной комиссии вмешиваться во внутренние или домашние действия ханского совета [14, л. 1–2].

Таким образом, после успешной поездки Ширгазы в Петербург центральной властью была сделана попытка укрепить его непосредственную власть в Малой орде, поднять авторитет хана. В то же время султан Арынгазы был вызван в Петербург, там задержан и впоследствии отправлен в ссылку в Калугу.

Как утверждает Добросмыслов, с 1816 г. до 1822 г., когда султан Арынгазы имел большое влияние на казахов Младшего жуза, Оренбургская пограничная линия пользовалась небывалым до толе спокойствием, стала налаживаться караванная торговля с центральной Азией. После того, как его отправили в ссылку, начались беспорядки [20, с. 265]. Однако, судя по вышеприведенным материалам, Арынгазы не мог объединить под своей властью весь Младший жуз.

В 1823 г. российские власти сделали еще одну попытку усилить ханскую власть при помощи влиятельной казахской знати. В Оренбурге для стабилизации ситуации в Младшем жузе учредили особую комиссию под председательством хана, с участием трех султанов и трех мулл [25, с. 4].

Ей предписывалось решать дела по народным обычаям, представляя предложения на рассмотрение Оренбургского военного губернатора, который и принимал бы окончательное решение. Главной целью комиссии ставилось возвращение захваченных в плен казахами приграничных жителей, возмещение ущерба россиянам и казахам, пострадавшим в результате грабежей, неурядиц и распрей [25, с. 5].

Комиссия была открыта 15 октября 1823 г., однако она не сумела ни рассмотреть, ни решить ни одного дела, – 4 декабря того же года ее закрыли. Эта последняя попытка российского правительства организовать стабильное управление Малой ордой при помощи хана не удалась [20, с. 268].

Анализ политической ситуации в Младшем жузе первой четверти XIX века, представленный в статье, обнажает фундаментальный конфликт цивилизационных моделей и трагедию управлен-

ческого непонимания. Эти выводы сделаны на основе тщательного изучения и интерпретации архивных источников, впервые введенных в научный оборот автором статьи.

Главный вывод заключается в том, что кризис в Степи был не только следствием межродовых распрей, но и прямым результатом столкновения двух несовместимых источников власти – «вертикальной» (имперской) и «горизонтальной» (степной). Российская политика, настойчиво навязывая слабую, но «законную» власть утвержденных ею ханов (Жанторе, Ширгазы), разрушала естественную структуру степной легитимности, основанную на личном авторитете султанов и консенсусе родовых лидеров (аталыков и биев). Это привело к парадоксу слабого правителя: империя инвестировала ресурсы в ханов, которые, не имея реальной опоры, были вынуждены просить о военной защите от своих же подданных.

Однако консенсуса в степи не было еще до русского вмешательства в политическую структуру казахского общества. Так, превращение баранты (инструмента обычного права и социального регулятора) в бесконечную серию грабежей и убийств (кризис кочевого общества) символизирует не просто хозяйственные проблемы, а полный крах традиционной правовой и социальной структуры. Когда традиционные механизмы компенсации и правосудия перестают работать, общество погружается в хаос.

Новые архивные материалы подтверждают, что, несмотря на лояльность к Оренбургской администрации (пресечение грабежей, хлопоты о заложниках), Арынгазы имел связи с Хивой (был признан там ханом) и, возможно, был причастен к грабежу российского каравана в Бухарию, что указывает на его двойную игру для укрепления личной власти. Отношения Эссена и Арынгазы были кратковременным, но эффективным военно-административным союзом, заключенным против официальной линии Петербурга и против действующего хана, ради достижения практических целей пограничной стабильности.

В этом контексте отношения между губернатором Эссеном и султаном Арынгазы предстают как прагматичный ответ местной власти бюрократической догме центра. Эссен, столкнувшись с неэффективностью легальной системы, интуитивно обратился к философии «сильной руки», сделав ставку на Арынгазы как на лидера, способного реально обеспечить стабильность и безопасность караванной торговли.

Однако Арынгазы, стремясь объединить обе легитимности (получив признание Хивы и добиваясь статуса от России), стал жертвой этой системы. Его отзыв и ссылка, спровоцированные Ширгазы и одобренные Петербургом, символизировали победу бюрократической формы над управленческим содержанием – стабильность была принесена в жертву соблюдению формального протокола.

Тенденция политики России в этот период сводилась к стремлению сохранить ханскую власть через ханский совет и административно-судебные реформы. Эти попытки потерпели неудачу, поскольку строились на фундаментальном непонимании степной реальности. Попытки урегулирования кон-

фликтов через амнистии и аннулирование долгов не решали корневой проблемы. При этом ни один из претендентов на ханскую власть из султанов не обладал достаточным авторитетом и возможностями для организации стабильности во всей Орде. Между тем налаживание мирной жизни было основной целью российской политики в регионе.

Результатом стал демонтаж ханского института в 1824 году – акт, который можно рассматривать как запоздалое, но необходимое признание неудачи попыток косвенного управления степью через ханов. Это стало поворотным моментом, предопределившим переход к новым, более прогрессивным формам административного контроля над степью.

Список источников

1. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб.: Типо-литография В. В. Комарова, 1906. 510 с.
2. Крафт И. Принятие киргизами русского подданства // Известия Оренбургского отдела Русского географического общества. Вып. 12–13. Оренбург. Типо-литография П. Н. Жаринова, 1902. 64 с.
3. Гейнс А. К. Дневник 1865 года. Путешествие по Киргизским степям // Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. Т. 1. 589 с.
4. Военно-статическое обозрение Российской империи. Том XIV. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) Орды Оренбургского ведомства. Составил генерального штаба полковник Бларамберг. Т. 14, ч. 3. Оренбургский край. СПб.: Тип. Деп. Ген. штаба. 1848–1858. 204 с.
5. Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. 206 с.
6. Абселемов С. А. Современная российская историография колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 108–117.
7. Сатенова М. Р. Военные действия отрядов Кенесары Касымова на территории Старшего жуза и политика России // Asian Journal «Steppe Panorama». 2022. Т. 9, № 4 (32). С. 123–133. URL: <https://ajspiie.com/index.php/history/article/view/207> (дата обращения: 02.02.2026).
8. Рахимов Р. Н. Оренбургская и сибирские пограничные линии в XVIII – первой половине XIX в. как юго-восточный и восточный фронтиры России // Вестник Томского государственного университета. 2013. Вып. 10 (126). С. 104–112.
9. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнёв. М.: НЛО, 2007. 368 с.
10. Зиновьев В. П. Межэтническое разделение труда в Азиатской России по данным переписи 1897 г. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2024. 210 с.
11. Ремнёв А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск: Наука, 2013. 248 с.
12. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 1558.
13. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2076.
14. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2246.
15. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 259.
16. Темиргалиев Р. Казахи и Россия. Алматы: Аспандау, 2019. 402 с.
17. Небольсин П. Рассказы проезжего. СПб.: Тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1854. 345 с.
18. Шотанова Г. А., Ужкенов Е. М. Некоторые аспекты внутривосточного кризиса в Младшем жузе (вторая половина XVIII – начало XIX вв. // Отан тарихы – Отечественная история. 2020. № 2 (90). С. 96–107.
19. Добросмыслов А. И. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. Казань: Типо-литография Императорского Казанского университета, 1904. 105 с.
20. Добросмыслов А. И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 17. Тверь: Типо-литография Н. М. Родионова, 1902. С. 257–524.
21. Артыкбаев Ж. О. Абылай хан. Нур-Султан: FOLIANT, 2019. 400 с.
22. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 716. Ч. 2.
23. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1564.
24. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2358.
25. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Раздел второй. 1822–1847 годы. Алма-Ата: Наука, 1964. 133 с.

Статья поступила в редакцию 17.07.2025; одобрена после рецензирования 17.10.2025; принята к публикации 20.12.2025.

The article was submitted 17.07.2025; approved after reviewing 17.10.2025; accepted for publication 20.12.2025.